

ИМЯ ХУДОЖНИКА Алексея Козлова и прежде изредка мелькало в лирических миниатюрах Ю. Куранова, хотя никак нельзя было ожидать, что именно этот образ со временем займет одно из центральных мест в системе эстетических ценностей писателя. Каким виделся он тогда, Алексей Козлов? Хороший человек. Неплохой художник. Бывший фронтовик. Бывший учитель рисования из Шарьи. Уроженец Трошина, приезжающий каждый год из Москвы в родительскую избу «уже не только с холстами, но и с детьми». Словом, был он в ту пору для писателя просто

свидетельству о его изрядных искусствоведческих познаниях, как и всякое сочинение, трактующее тему эстетического идеала, является прежде всего слепком сегодняшнего духовного состояния и художественного опыта самого автора. Писателю случалось и раньше делать вылазки в более крупные формы, чем миниатюра, эссе или рассказ, однако его новая повесть интересна прежде всего новизной художественного материала. Точнее, стремлением автора намеренно утяжелить свою эссеистику новым смысловым качеством, направить ее путь через обширные экскурсы во всеобщую исто-

И все же, как бы то ни было, лирическая повесть на темы искусства подарила писателю счастливым случай использовать составляющие природу его дарования изобразительность, пластичность и живописность в полной мере и на идеальном для него материале.

Искусство живописания словом, тонкой прорисовки деталей, проработки нюансов до акварельной нежности, искусство создания чувственно-зримых картин окружающего и здесь остается сильнейшей стороной курановской прозы. Потому-то наиболее интересными в ней мне представляются страницы, связанные не с собственно «искусствоведческой» струей повествования, а с вполне «земными» описаниями деревенской вечерки, любительского спектакля, сенокоса, сельского «вернисажа», бессонных ночей художника. Разумеется, изобразительное мастерство нисколько не изменяет писателю и тогда, когда он, обходясь «только» словами, создает свой собственный эмоционально-предметный эквивалент какому-нибудь живописного шедевра. Часто это увлекательное чтение, хотя, по правде сказать, нельзя не принимать во внимание и те потери, что с неизбежностью появляются при «переводе» одного вида искусства в другой. Образы живописца, пересказанные прозаиком, начинают иной раз отзываться глянцевицей красотой, кажутся — бывает и так — подслащенно-сентиментальными, словно бы рассчитанными на автоматическое читательское и зрительское сочувствие...

И у каждого читателя вполне естественно возникает вопрос: насколько вообще художественное наследие Алексея Козлова может служить основанием для чрезвычайно ответственных историко-культурных построений и сопоставлений Ю. Куранова? Не нужно быть пророком, чтобы предсказать: мнения на сей счет наверняка разделятся, тем более что есть среди нас и такие, кто пока еще не слышал об Алексее Козлове.

Что ж... Значит, повесть «на темы искусства по мотивам жизни» выполняет еще и эту немаловажную, пропагандистскую по сути роль: подводя итоги завершившейся судьбе художника, она становится прологом к посмертной судьбе его творений, приглашает и читателя, и зрителя к знакомству с картинами А. Козлова, к выработке самостоятельного отношения к ним.

Последовательно утверждая свои оценки, писатель и своей аудитории предоставляет право независимого суждения. «Озарение радугой» в этом смысле — повесть с открытым финалом... **Виктор МАЛУХИН**

РОДОСЛОВНАЯ РАДУГИ

Юрий Куранов. «Озарение радугой». Журнал «Октябрь», № 8, 1982.

«Человеком на дороге», как сказано в одноименном курановском фрагменте. И даже картины Козлова навевали двадцать лет назад ассоциации только с музыкой Калиникова, не больше. В новой же повести Ю. Куранова имя художника стоит хоть и не через запятую, но все же рядом в рискованной и не всегда, кажется, оправданной близости с именами Баха, Бетховена, Рубенса, Рембрандта, Тициана, Левитана, Малявина, Петрарки, Пушкина...

После смерти жизнь превращается в судьбу. «Человек на дороге» прошел отмеренный ему путь. И новая повесть Юрия Куранова свидетельствует о том, что для писателя настало время выполнить долг дружбы. Однако «Озарение радугой» выходит за рамки беллетризованной биографии, поскольку задача автора не исчерпывается художественной канонизацией образа Алексея Козлова — человека и живописца. Подзаголовок сочинения, долгий и оглядывивый в дефинициях, как у диссертанта, тем не менее достаточно хорошо отражает характерный для Куранова художественный метод: «Лирическая повесть на темы искусства по мотивам жизни костромского художника Алексея Козлова». Лирическое «на темы» и «по мотивам» — вот приблизительные координаты, обозначенные самим автором, вероятно, для удобства будущего читательского и критического соразмывления.

Во все времена у всех народов писатели охотно делали живописцев (как, впрочем, и музыкантов, но речь сейчас не о них) героями своих книг. Услужливая память без труда подскажет каждому соответствующие произведения — если не Гоголя, то Фейхтвангера или Бондарева, Драйзера или Тендрякова, многих других, в порядке самом произвольном. Соблазн здесь понятен. Рассматривать многообразные, нередко интимные проблемы, связанные с творчеством, взаимоотношениями художника (часто гениального) с миром и с самим собой, по ряду очевидных причин писателям всегда представлялось более удобным на родственном, «пограничном» эстетическом материале: ты член семьи, но мне кузен. Вот почему повесть Ю. Куранова,

рию живописи и музыки, через широкие эстетические ассоциации — к новым тематическим и жанровым просторам. Здесь видна попытка сочетать миниатюру с фреской.

В творчестве Юрия Куранова «Озарение радугой» — вещь, безусловно, этапная. Впрочем, если иметь в виду, что автор вырос в семье художников и в молодые годы обучался в университете искусствоведению, что живописи и музыки, судя по некоторым признакам, всегда занимали воображение писателя, то его нынешняя проза не покажется такой уж неожиданной. К тому же в «Озарении радугой» Ю. Куранов остается верен своему стилю мышления и изложения, своей интонации и эмоциональной природе. Композиционная динамика повести в семидесяти одной картине сродни динамике анфилады, создающей сквозную перспективу в пределах ограниченного пространства. Как и в прежних книгах Ю. Куранова, эти главы-эссе, главы-эпюды являются, в сущности, достаточно произвольной ассоциативной цепью лирических состояний автора, только здесь они выстроены по биографической оси жизни Алексея Козлова. Можно лишь гадать, получит ли линия «Озарения радугой» дальнейшее развитие в творчестве Ю. Куранова или же останется единичным опытом. Осмелюсь предположить второе. Прежде всего потому, что комплекс жизненных и личных обстоятельств, лежащих в основе повести, имеет достаточно уникальный характер.